

СОЦИОЛОГИЯ: ПРИЗВАНИЕ И ПРОФЕССИЯ

Я БЫЛ И ОСТАЮСЬ СТОРОННИКОМ МАТЕРИАЛИЗМА В СОЦИОЛОГИИ

Интервью с профессором Василием Яковлевичем Ельмеевым

Почти десятилетие назад в нашем журнале (1998, т. 1, № 4) было опубликовано интервью с профессором В.Я. Ельмеевым, в котором он рассказал об основных этапах и результатах своей научной и преподавательской деятельности. Настоящий материал предоставлен нам профессором Борисом Зусмановичем Докторовым, в последние годы разрабатывающим некоторые проблемы истории современной российской социологии. Этот текст — результат его электронной переписки с Василием Яковлевичем. В ней получили развитие темы, обозначенные в первом интервью, и обсуждено несколько новых вопросов.

Данное интервью продолжает традицию бесед с российскими социологами, которые публикуются в нашем журнале, и одновременно является частью историко-биографического проекта, более двух лет существующего в петербургском журнале социологических и маркетинговых исследований «Телескоп».

18 января 2008 года Василию Яковлевичу исполняется 80 лет. Редколлегия сердечно поздравляет его с юбилеем и желает крепкого здоровья и творческой энергии.

Василий Яковлевич, о годах Вашей юности, о студенческом периоде, о том, как Вы начинали заниматься наукой, и о некоторых итогах Ваших изысканий и педагогической деятельности Вы рассказали в интервью профессору Владимиру Козловскому. Будем учитывать это обстоятельство и попытаемся сосредоточиться лишь на тех вопросах, которые, как мне кажется, требуют более глубокого обсуждения.

Тогда Вы сказали: «Шла борьба против марксистской, материалистической социологии, за внедрение западной социологии, сначала позитивистской, а затем — феноменологической». Кого Вы имеете в виду? А. Здравомыслов, Н. Лапин, В. Ядов всегда были марксистами, они скорее развивали марксизм, учитывая в своих построениях достижения западных социологов, нежели выступали против марксизма. Не так ли?

Я имел в виду прежде всего свою однокурсницу по философскому факультету Р.В. Рывкину (Р. Бунимович), ее откровение «Карл Маркс был не прав — первично не бытие, а сознание» (Рывкина 1994: 34). Автор даже не смог правильно указать источник критикуемой цитаты. Что же касается названных Вами авторов, то я в то время отмечал лишь их некоторые отступления от марксизма в сторону позитивизма по ряду конкретных вопросов. Например, эмпирический редукционизм в исследовании отношения к труду.

Но стоит ли, опираясь только на одно выступление профессора Рывкиной, говорить о «борьбе...»? Ведь марксизм был не только идеологией, но и концепцией, разделявшейся подавляющим числом ведущих социологов страны.

Да, когда-то марксизм разделялся большинством социологов страны. Но после установления капиталистического режима большинство прорабов перестройки отказались от социализма и, следовательно, от марксизма как учения и идеологии, или, как они выражаются, от «догматов марксизма-ленинизма». К Р.В. Рывкиной можно добавить Т.И. Ойзермана, прежде выдававшего себя сверхпреданным марксистом. Он стал доказывать несовместимость исторического материализма и коммунистической идеологии марксизма. Д.П. Горский принялся опровергать теорию прибавочной стоимости К. Маркса. Некоторые из социологов-шестидесятников, увидев «плоды» защищаемого ими капитализма, стали рядиться в неомарксистские одежды, ибо исключают марксизм из социологии не удается, опровергнуть не может, признать антинаучным трудно. Для тех же, кому кроме капитализма «иного не дано», неприятие социализма означает и отказ от марксизма. Достаточно поставить вопрос — за капитализм или за социализм — и все окажутся на своих местах.

Не могли бы Вы подробнее остановиться на методической стороне Вашего исследования, составившего основу Вашего кандидатской работы? Это был опрос, наблюдение...? Вы отмечаете, что это исследование вывело Вас на проблему превращения науки в непосредственную производительную силу, а каковы были выводы методического плана?

В своем первом социологическом исследовании (кандидатская диссертация) я в основном основывался на изучении документов — договоров о творческом содружестве между работниками Ленинградских производственных объединений и научно-исследовательских учреждений (высших учебных заведений). Пользовался методом включенного наблюдения: вел семинары по философии с изобретателями и рационализаторами Кировского завода, изучал их биографии и написанные ими работы о своей рационализаторской деятельности, беседовал с руководством соответствующих предприятий, в том числе с ректором Ленинградского университета академиком А.Д. Александровым, который ознакомился с содержанием моей диссертации, моими оценками участия ученых университета в творческом содружестве с производством. В последние годы мы вместе работали в Президиуме городского отделения общества «Российские ученые социалистической ориентации».

За Вашим поколением закреплено коллективное имя — «шестидесятники». Складывается такое впечатление, что себя Вы не относите к этой плеяде, или я ошибаюсь? Вы пишете, что обязаны тому философскому факультету, который существовал до прихода «шестидесятников». Но значение Б.Г. Ананьева, В.Н. Мясичева, В.П. Рожина, В.П. Тугаринова оценивают очень высоко и шестидесятники — А. Здравомыслов, И. Кон, В. Ядов.

Перефразируя известное высказывание В.И. Ленина, скажу, что в каждом поколении существуют два поколения. Это относится и к «шестидесятникам». Я не тот из них, кто приветствовал горбачевский «рыночный социализм», который превратился в «рыночный капитализм», плачевные последствия которого испытывает ныне большинство «приватизированного»

населения. Угрызения совести меня не мучают, не был я среди тех, для которых «Иного не дано» (известный сборник других шестидесятников).

Чем объяснить то, что, будучи ровесниками и учась у одних и тех же профессоров, Вы, с одной стороны, и В. Ядов и А. Здравомыслов, с другой, имели заметно различающиеся точки зрения на социологию как науку? По сути дела, у вас были разные идеологии этой науки.

Нас расколол XX съезд партии, деятельность Н.С. Хрущева. В университете в тот период шло размежевание между поколением фронтовиков, не принявших хрущевские реформы, и поколением, не участвовавшим в войне. Не угодил Хрущеву и наш ректор — А.Д. Александров, который вынужден был оставить университет. Я со студенческих лет был в окружении фронтовиков и встал на их сторону. Мы примыкали к разным учителям. Я, например, слушал лекции и напутствия М.В. Серебрякова — профессионального революционера, организатора марксистского кружка в университете в первые годы после революции, но не могу считать себя учеником В.П. Рожина.

Нельзя ли в современных понятиях, все же язык социологии заметно изменился с 60-х годов, сформулировать отличие Ваших взглядов на социологию от тех, что высказывались Вашими оппонентами?

Я был и остался сторонником материализма в социологии. В этом отношении я придерживаюсь монистического взгляда на историю общества. Плюрализм считаю умноженным дуализмом. История не знает сослагательного наклонения, первый применим к выбору будущего.

Вы были первым директором НИИКСИ и, скорее всего, обсуждали многие вопросы с Борисом Герасимовичем Ананьевым. Вы не помните его воззрения на социологию?

Б.Г. Ананьев выдвинул концепцию комплексного (целостного) изучения человека как субъекта труда, общения и познания. Для ее разработки он предложил создать в университете Научно-исследовательский институт комплексных социальных исследований. Он полагал, что для объединения различных наук в комплексном изучении человека нужна единая методологическая основа — общая теория связей и зависимостей, отражающая явления общественного развития и развития человека. Такой единой методологией для естествознания и обществоведения того времени он считал диалектический материализм, благодаря которому можно было обеспечить комплексный подход к исследованию человека.

Решающее значение он придавал изучению человека как субъекта труда (см. подготовленный для VI Всемирного социологического конгресса доклад «Методологические основы комплексного исследования человека»: Социология и идеология 1969: 221–235).

К сожалению, я не знаю содержания Вашей книги о социологическом методе. В чем суть Вашего видения социологического метода? В чем отличие Вашего подхода от того, который в течение многих лет отстаивали Г. Андреева, Б. Грушин, А. Здравомыслов, Ю. Левада, Г. Осипов, В. Ядов и другие?

Мое видение социологического метода противопоставляет его методу

субъективной социологии, пригодной для изучения мнения людей посредством всякого рода опросов. К представителям субъективного метода в социологии я бы не стал относить Г.В. Осипова.

Каков сегодня Ваш взгляд на эмпирические методы социологии, в частности — на опросы? Ведь за последние 30–40 лет в этой технологии произошли колоссальные изменения, и результаты исследований, базирующихся на опросах, стали составной частью макросоциологических построений, исследований историков, политологов, культурологов, экономистов.

Опросы как инструмент социологии ныне стали преобладающим методом эмпирической социологии. К изучению фактов реальной действительности, к деятельности предприятий, фирм социологов уже не допускают под предлогом коммерческой тайны или по другим причинам. Теперь уже не узнать, сколько и как получают доходы работники предприятий, тем более размеров прибыли, процента. Можно еще пользоваться данными статистики и извлечь из них кое-какие сведения. В этом отношении советую нашим социологам взять пример с С.М. Меньшикова, написавшего книгу «Анатомия российского капитализма» (Меньшиков 2004).

Вы — один из создателей концепции, методологии и технологии социального планирования. Что было стартовым импульсом к ее созданию: заказ власти или собственно научная идея? С самого начала социальное планирование замышлялось как макросоциальная инициатива (улучшение модели социализма), как философия социального управления или как технологическое дополнение к плановой системе отношений, в начале 1970-х почувствовавшей (осознавшей?) свою слабость?

Идея социального планирования была предложена нами — сотрудниками первого в стране научно-исследовательского института комплексных социальных исследований — мною, В.Р. Полозовым, Б.Р. Рященко. Она первоначально возникла из исследований механизма образования и реализации растущих фондов общественного потребления на предприятиях, особенно в крупных производственных объединениях, в частности, в объединении «Светлана», «Металлический завод» и др. Образование значительных объемов этих фондов превращало трудовые коллективы в серьезные социальные институты, обеспечивающие своих работников санаториями, домами культуры, медицинскими учреждениями, стадионами, вплоть до оплаты жилья. Это было серьезным вкладом нового партийного руководства страны в изменение направленности экономической реформы 1965 г. Теперь трудовые коллективы лишились этих фондов и потеряли свою роль органа самоуправления и социальной ячейки общества.

Довольно быстрая и успешная реализация данной научной идеи объясняется ее востребованностью практикой. Был не заказ, а спрос со стороны партийной власти. Представители Ленинградского обкома партии спросили нас: какую новую идею может предложить новый институт для готовящегося XXIII съезда партии? Мы предложили идею социального планирования, которая после многократных бесед с секретарями и заведующими отделами обкома была включена в доклад (выступление) первого секретаря обкома В.С. Толстикова и получила одобрение съезда. Потом эта идея получила значение макросоциальной инициативы и в итоге привела к преобразованию со-

держания планирования — планы стали планами не только экономического, но и социального развития.

Социальным планированием занимались не только в Ленинграде, но и во многих городах, регионах СССР. В основании всех этих исследований лежали ленинградские разработки, или все использовали различную методологию?

Дальнейшая разработка методологии и методик социального планирования была поручена НИИКСИ. Институт под эту тему получил научно-исследовательские ставки. Были разработаны методология и первые методики социального планирования. Многие социологи страны создавали свои методические пособия. Они, безусловно, различались как в методологическом, так и в методическом отношении. Большинство городов и регионов пользовались нашими разработками.

Исчерпала ли себя идея социального планирования к середине 1980-х гг., или у нее существовал потенциал развития? Могут ли сегодня идеи социального планирования быть востребованными регионами и/или крупными производственными структурами? Ведь социальное планирование, очевидно, не замыкалось на социалистическую действительность.

В начале 1990-х гг. государство отказалось от планирования своего экономического и социального развития как от атрибута социализма. Да и прекратилось само развитие — экономика и социальная сфера пошли вниз.

Думаю, что сама идея себя не исчерпала. Государству недавно пришлось заняться разработкой нескольких федеральных социальных программ. Субъекты федерации, например, Ленинградская область, и сегодня составляют пятилетние планы экономического и социального развития. Принята программа социально-экономического развития Санкт-Петербурга на 2005–2008 гг. Что касается отдельных предприятий, то о планировании социального развития трудовых коллективов вряд ли в скором времени пойдет речь.

Вы посвятили немало времени обоснованию логики прикладных исследований в общественных науках. Почему Вы противопоставляли прикладные социологические исследования «обычной» западной эмпирической социологии? Ведь эта социология никогда не была методической анкетным опросам и в послевоенное время стала весьма многообразной, многомерной.

В науке принято делить исследования на теоретические (фундаментальные) и прикладные (разработки). Название «эмпирическая социология» считаю неудачным: учения об обществе на уровне ощущений, восприятий быть не может. При опросах тоже речь идет об изучении фиксируемых мнений, тем более, общественного мнения. Задачи интервьюеров, наблюдателей за повседневной жизнью людей — дело главным образом представителей журналистики, которая так и не получила у нас места в системе наук, по которым присуждаются ученые степени.

Прикладная же социология предполагает наличие высокой теории, посредством приложения которой достигается решение практических задач, т.е. задач по управлению, планированию, проектированию социальных процессов.

Оказалась ли предложенная Вами концепция прикладной социологии востребованной в современных российских политологических и маркетинговых исследованиях, в деятельности консалтинговых фирм?

Большинство выпускников нашего факультета социологии находят себе работу на предприятиях, в фирмах, банках, заняты в основном в системе управления персоналом (раньше они назывались отделами труда и заработной платы). Спроса на проведение опросов по причинам сохранения коммерческой тайны почти нет. Этим ныне занимаются в основном в системе радио и телевидения (опросы по телефону) при проведении выборов. Кафедра прикладной и отраслевой социологии требует от студентов и аспирантов, пишущих дипломные проекты и диссертации, выполнения прикладной части, подтверждающей теоретические выводы соискателя в реальности, а не в опросных листах.

Вы вспоминали о лекциях по истории русской социологии Н.Н. Андреева в 1948–49 гг. Это малоизвестный факт. Могут ли те лекции (и подобные им программы) рассматриваться как мост между дореволюционной и постхрущевской социологией?

Если этот мост рассматривать как продолжение развития социологии после 1917 г. и до 1960-х гг., то ответ будет утвердительным. У Н.Н. Андреева в 1925 г. вышла в свет монография «К вопросу о понимании закономерностей в истории» (Л., 1925), у С.А. Оранского — книга «Основные вопросы марксистской социологии» (Л., 1929), у Е.А. Энгеля — «Очерки материалистической социологии» (Л., 1933). (В годы моей учебы эти книги можно было приобрести в букинистических магазинах города, они были завалены литературой довоенного периода.) Об этом можно прочитать в работах: (Чагин 1971; Клушин 1986; Чагин, Федотов 1973; История становления... 1989). К сожалению, некоторые представители «постхрущевской» социологии не видят или не хотят видеть развитие социологии в этот период. А.Г. Здравомыслов, например, перепутав Н.Н. Андреева с Зайцевым (доцент в военной форме), утверждает, что читать лекции по истории русской социологии в то время «было бы невозможно» (Телескоп. 2007. № 1: 16). В. Ядов также сомневается в возможности чтения подобных лекций. Им могу лишь посоветовать ознакомиться со статьей А.А. Галактионова об А.А. Андрееве (Вестник Ленинградского университета. 1991. Сер. 6. Вып. 3) и его статьей (в соавторстве) «Социология в Ленинградском университете. 1945–1985 гг.» (Вестник Санкт-Петербургского университета. 2001. Сер. 6. Вып. 1: 64–78). Могу удивить сомневающимися и сослаться на суждения И.В. Сталина: в 1927 г. в письме к Зайцеву он признавал, что «законы развития капитализма в отличие от законов социологических, имеющих отношение ко всем фазам общественного развития, — могут и должны меняться» (Сталин И.В. Соч. Т. 9: 165). Очевидно, что признать наличие социологических законов нельзя без признания науки о них, т.е. социологии.

Из моих бесед с социологами первой волны вытекает, что они, начиная свою работу, не знали советской социологии 1920-х–30-х гг. Можно ли в этом случае говорить о том, что социология 1960-х–80-х гг. была восстановлением советской социологии? Две другие альтернативы: а) «разрыва» не было и б) в конце 1950-х все начиналось, практически, с нуля. Какой точки зрения относительно генезиса социологии 1960-х Вы придерживаетесь?

Я допускаю, что из перечисленных Вами социологов трех волн хрущевской закалки многие действительно не знали, или, вернее, не хотели знать

историю советской социологии 1920–30-х гг. Б.М. Фирсов, например, за историю советской социологии выдал историю подготовки антисоветской социологии, историю идеологической подготовки капитализма. Поэтому эту социологию никак нельзя считать восстановлением советской социологии, она заимствована с Запада. Не все, конечно, ее приняли. Остались и продолжатели советской социологии, т.е. марксистской, но она теперь исключена из официальных учебных программ и стандартов по социологии, экономике, политологии.

У Г.С. Батыгина была статья, в которой он анализирует преемственность российской социологической традиции. Может быть, обсуждая прошлое и настоящее российской социологии, справедливее говорить именно о трансформации российской социологической традиции, а не о непрерывности развития российской социологии как науки?

Название «российская социология» вместо «русской социологии» возникло после реставрации капитализма в стране. Я не согласен с тем, что русская и советская социология трансформировались в современную российскую социологию, создателями которой объявили себя «шестидесятники», что якобы с них началась постсоветская социология. Я придерживаюсь мнения специалиста по истории русской социологии А.А. Галактионова относительно того, что никакой современной российской постсоветской социологии, тем более «новорусской», не существует. Не выработали собственной парадигмы (вместо нее — что угодно, любая парадигма), нет у нее никаких национальных признаков, имеются лишь фрагменты либеральных концепций столетней давности с большой дозой более или менее близких по времени идей западных авторов, идет приспособление к социологическому глобализму, диктуемому США.

В вопросах преемственности следует исходить из наличия разных наследств. У советской социологии наследством служили взгляды русских революционных демократов (Герцен, Чернышевский и др.), труды марксистов, в том числе отечественных (Плеханов и др.), а ее продолжением является ныне существующая, но официально не признанная марксистская (материалистическая) социология.

Изучая биографии преподавателей, обучавших в начале 1920-х гг. Джорджа Гэллана, мне удалось показать существование коротких личностных цепочек, связывающих его не только с основателями американской психологии, но и с Гальтоном, Вундтом, Фехнером. Я назвал эти линии «траекториями преемственности». Какими видятся подобные траектории для Вас и тех, кто учился на философском факультете одновременно с Вами?

Такого рода траектории преемственности, видимо, есть у всех исследователей.

Вы называете теорию научного коммунизма социологией новой общественно-экономической формации, т.е. социализма. Означает ли это, что вся советская социология могла (должна была) развиваться в рамках теории научного коммунизма? Не повело бы это, в частности, к еще большему разрыву советской социологии с теми направлениями социологии, которые формировались в мире?

Социологией, отражающей жизнь социалистического общества в рамках марксизма, являются, как я полагаю, теория научного социализма (коммунизма) и материалистическое понимание истории. Обращение к мировой социологии осуществлялось посредством материалистического понимания общества, составляющего одно из направлений мировой (но еще не созданной) социологии в ее широком смысле. Существующая же ныне западная социология — это отражение капиталистического общества.

Сегодня марксизм стал одной из ведущих парадигм мировой социологии, его границы и содержание трудно обозначить. Каково сегодня, на Ваш взгляд, положение марксизма в российской социологии? В чем Вы видите специфику российского марксизма?

Сегодня марксизм в России в институциональном отношении находится в худшем положении, чем где-либо в мире. Если в учебниках по истории западной социологии К. Маркс еще числится в классиках, то в официальной современной российской социологии нет ни Маркса, ни Энгельса, ни Ленина, не говоря уже о Сталине. Но теоретически марксизм не преодолен ни одной современной социологической теорией, что вселяет надежду не только на его сохранение, но и создает условия для его развития в диспутах.

Знакомы ли Вы с недавно выпущенной в Петербурге книгой В. Ядова «Современная теоретическая социология», в которой он, высоко оценивая марксизм, вместе с тем отмечает, что происходящие в стране процессы могут быть успешно рассмотрены лишь в рамках парадигмальной социологии. Что Вы думаете по этому поводу?

С изданным недавно курсом лекций В.А. Ядова «Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций» ознакомиться удалось. Я знал его позицию, согласен с Вами по поводу его высокой оценки марксизма как одной из парадигм в социологии, хотя в рекомендуемой в лекциях литературе нет ни одного произведения К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина. Если же не придерживаться марксизма, то надо сделаться приверженцем или продолжателем другого учения, если нет разработанной собственной парадигмы и собственной социологической концепции. Теоретической социологической парадигмы, которая бы превзошла марксизм, я пока не вижу, или ее просто нет. Полагаю, что понять современный капитализм в России невозможно, если не опираться на «Капитал» К. Маркса. Плюрализм в этих вопросах считаю умноженным дуализмом, причем в наихудших его формах — зеноновской дихотомии или кантовских антиномий.

Как понимать Ваше замечание: «В условиях натиска феноменологического идеализма позитивизм представляется золотым веком социологии»?

Я имел в виду классический позитивизм, в котором можно найти достаточное количество научных положений. Я согласен с А. Сокалом и Ж. Бриком, которые в своей книге «Интеллектуальные мошенники» к последнему отнесли Ж. Делеза, М. Фуко, Ж. Бодрийара и других постмодернистов. В России ныне модным является не позитивизм, а идеалистическая феноменология в лице постмодерна.

Были ли у Вас трудности с публикацией результатов Ваших исследований? Если были, не могли бы Вы привести пример?

В нашем с Б.Р. Рященко архиве имеется около десятка неопубликованных социологических исследований коллективов крупнейших Ленинградских предприятий и ряда административных районов, выполненных под нашим руководством и с участием многих видных университетских ученых (Е.С. Кузьмин, В.И. Котелкин, Н.А. Медведев, Н.А. Моисеенко, В.В. Орехов, В.Р. Полозов, А.Л. Свенцицкий, Н.Г. Скворцов, Л.И. Спиридонов и др.) для разработки планов социального развития. Это коллективы производственных и научно-производственных объединений («Светлана», «Металлический завод», «Невский завод», «Позитрон», «Тихвинские производства Кировского завода» и др.), а также Калининский район г. Ленинграда и сам г. Ленинград. Многие из сотрудников были награждены медалями ВДНХ, а сама работа по социальному планированию была отмечена государственной премией.

Публикация этих исследований имела бы серьезное значение не только для истории советской социологии, но и для изучения социальной истории советского общества. К сожалению, мы не имеем спонсоров и не могли воспользоваться не только фондами Сороса, Форда, Макартуров и т.п., но и российскими научными фондами.

У нас нет никаких надежд на их публикацию, в отличие от перечисленных Вами авторов — В.А. Ядова, А.Г. Здравомыслова, Н.И. Лапина, В.Б. Голофаства.

Лишь недавно А. Г. Здравомыслов и В. А. Ядов издали полный текст «Человека и его работы»; через 30 лет после завершения Н.И. Лапин опубликовал итоги исследования социальной организации промышленного предприятия; лишь после смерти В. Б. Голофаства его друзья смогли опубликовать подготовленную под его редакцией книгу о семье в крупном городе, ее текст был рассыпан после корректурной вычитки... Эти и подобные примеры, не говоря о самоцензуре, дают возможность предположить, что анализ советских социологических публикаций не позволяет историкам науки сейчас, тем более — в будущем сделать обоснованный вывод о результатах исследований советских социологов в конце 1960-х — начале 1980-х гг. Что Вы думаете по этому поводу?

По поводу второго издания известной мне книги «Человек и его работа», выполненной коллективом социологической лаборатории Научно-исследовательского института комплексных социальных исследований (об этом первом в стране социологическом институте почему-то забывают), думаю следующее: авторы имели серьезное основание для переиздания своей работы. Во-первых, они должны были или отказаться от основного результата своего эмпирического исследования, согласно которому 80 % опрошенных молодых рабочих г. Ленинграда относились к своему труду как к первой жизненной потребности (коммунистическое отношение к труду) и только 20% — к труду как средству существования (пережитки прошлого); или сказать, что это отношение к труду с точки зрения его содержательности не имеет своим основанием социальный строй общества, оно одинаково для данного технологического содержания труда, вызывает одинаковую эмоционально-психологическую удовлетворенность как у советских, так и у американских рабочих.

Полагаю, что дело не в том, что от авторов книги требовали 100 % отношения к труду как к первой жизненной потребности (как это комментирует

Б.М. Фирсов). Авторы, как и американца Ф. Херцберга, подвела методика, согласно которой сравнивалось несоизмеримое — социальное и технологическое значения труда, как если бы опрашиваемые были разделены, например, на группу неквалифицированного ручного труда и группу участников в бригадах коммунистического труда. В методологическом отношении не была учтена действенная природа труда: удовлетворенность трудом, производящим нужную потребительную стоимость, или трудом, производящим стоимость и, соответственно, определенную величину заработной платы. Не случайно многие последующие исследования, в том числе отношения к труду добровольно уехавших на БАМ комсомольцев, дали противоположные результаты. Личная материальная заинтересованность оказалась решающим фактором той или иной степени удовлетворенности трудом. Так что важно различать — об удовлетворенности каким трудом идет речь. Соизмерение может быть научным, если имеет одно и то же качественное основание.

За последние полтора десятилетия российская социология принципиально расширила предмет своих поисков. Это связано с появлением многих новых явлений, с трансформацией старых общественных отношений, с глобализацией науки и усилением связи российских социологов с зарубежными специалистами и многими другими обстоятельствами. Что из происходящего в российской социологии кажется Вам позитивным, что — негативным?

Позитивным в последнее время я считаю появление многоотомной «Истории теоретической социологии» (отв. ред. Ю.Н. Давыдов), серии книг под редакцией В.И. Добренкова «Классическая социология XIX–XX вв.» и книги А.А. Галактионова «Русская социология XIX — XX веков». В то же время исчезла сама теоретическая социология (кроме марксистской). Как философия, по словам А.В. Гулыги, достигла своего предела и может существовать лишь как история философии, так и теоретическая социология заменяется историей социологии или суммой имеющихся социологических концепций, «мультипарадигмальной социологией». Появилось более сотни отраслевых и иных социологий, предметом социологических «исследований» становится «мелочевка», вплоть до социологии личной гигиены и общественной туалетной жизни.

Что касается современной западной и прозападной российской социологии, не ставшей отечественной, то она оказалась в плену ложно поставленной проблемы — вращается вокруг сопоставления и противопоставления категорий структуры и действия. Вместо того, чтобы соотносить деятельность (действие) с тем, чьим атрибутом она является, т.е. с бытием человека и бытием общества, ее стали соотносить с некой абстрактной структурой. Получилось примерно то же самое, что и с классической политической экономией в результате превращения ее формулы «труд — стоимость» в неоклассическую триединую формулу: «капитал — прибыль, земля — рента, труд — заработная плата». Труд как единственный источник стоимости «дополняется» не имеющими отношения к ее созданию факторами (капиталом, землей). В результате получается, что в этой формуле ее члены «относятся друг к другу примерно так же, как нотариальные пошлыны, свекла и музыка» (К. Маркс).

В социологию такую процедуру стали приписывать О. Конту, который якобы совершил первородный грех, разделив социологию на социальную статику и социальную динамику (П. Штомпка). Выход, видимо, заключается

в том, что, как в библейском грехопадении человека искуплением является «труд в поте лица своего», так и в социологии эту проблему должна решать теория, основанная на трудовой парадигме. Причем имеется в виду не просто теория «действия», «деятельности», а трудовая теория социологии. Нет никакого резона единый предмет социологии в трех его ипостасях — бытие общества (общее) — производство обществом самого себя, т.е. его трудовая деятельность (особенное) — общественные отношения (единство первого и второго) — расчленять на конкурирующие парадигмальные концепции.

А что можно сказать о сегодняшней российской социологии: в какой мере она включает в себя парадигматику и выводы русских дореволюционных социологов и предвоенных советских?

Сегодня социология, претендующая на звание «отечественной», «русской социологии», почти совпадает с восстанавливаемой русской дореволюционной социологией, но без Герцена, Чернышевского, Плеханова, и, конечно, без Ленина и других марксистов, в т.ч. довоенных советских авторов. Так, в конце 2006 г. социологи Педагогического университета им. Герцена отметили конференцией 75-летие со дня смерти Н.И. Кареева, но забыли про 150-летие со дня рождения Г.В. Плеханова.

Вы и ряд Ваших коллег разрабатывали экономическую социологию. Каково было Ваше отношение к тому, что делалось в этой области Т.И. Заславской и ее сотрудниками? А. Здравомыслов в его недавней публикации трактует «Новосибирский манифест» Заславской (1983 г.) как принципиальнейший научный и гражданский документ, в частности, доказывающий возможности социологии и предвидения социального развития. Что Вы скажете по поводу идей и работ новосибирских экономсоциологов?

Я положительно относился к книге «Социология экономической жизни» (1991), особенно к той ее части, которая написана Т.И. Заславской. Мое отрицательное отношение к первым публикациям новосибирцев по предмету экономической социологии было вызвано тем, что академик А.Г. Аганбегян назвал их первооткрывателями экономической социологии. Мне пришлось указать на те западные первоисточники, откуда была взята эта идея. Это вызвало острую реакцию, особенно со стороны Р.В. Рывкиной. К моему сожалению, я недавно узнал, что Т.И. Заславская отказалась заниматься экономической социологией, но, видимо, по другим причинам. Что касается «Новосибирского манифеста», то если в нем было предвидено появление у нас капитализма и оно приветствовалось, то последнее я не одобряю.

Я понимаю, что после выхода Вашей и Ваших коллег книги «Уроки и перспективы социализма в России» (1997 г.) прошло немного времени. И все же, что из произошедшего в путинской России могло бы дополнить Ваше понимание уроков и перспектив социализма в России?

К сказанному выше я бы добавил следующее:

— еще больше выявилась неспособность большинства населения страны к жизни в условиях капитализма. Официальные власти не хотят называть существующий общественный строй его настоящим именем — капиталистическим, буржуазным. Российский капитализм не создал собственной «протестантской этики». Возникло движение молодежи против капитализма, а не просто за смену правительственного курса;

- сельское население не удалось перевести на путь фермерства, в большинстве хозяйств господствующими остались кооперативно-колхозные формы;
- ученый мир стал понимать, что речь идет не об архаическом, диком капитализме, а о капитализме, построенном по последним рецептам западного монетаризма. Он возник главным образом на основе изъятия денежной массы у населения (обвал цен, пирамиды, ваучеры и т.п.), не имея собственного, созданного им материального (производственного) фундамента;
- стало очевидным, что без восстановления государственного планирования (оно было ликвидировано как атрибут социализма) у страны никаких перспектив на будущее нет, приходится вводить национальные программы пока по отдельным сферам. Но их реализация без национализации соответствующих, особенно крупных отраслей, вряд ли возможна.

Литература

- Рывкина Р.В. Между социализмом и рынком: судьба экономической культуры в России. М., 1994.
- Ананьев Б.Г. Методологические основы комплексного исследования человека // Социология и идеология. М., 1969.
- Меньшиков С.М. Анатомия российского капитализма. М., 2004.
- Чагин Б.А. Очерк истории социологической мысли в СССР (1917–1969). Л., 1971.
- Клушин В.И. Исторический материализм в СССР в переходный период (1917–1936): историко-социологический очерк. М., 1986.
- Чагин Б.А., Федотов В.П. Итоги развития советской социологии за полвека // Философские науки. 1973. № 1, 3.
- История становления советской социологической науки в 20–30-е гг. / Отв. ред. З.Т. Голенкова, В.В. Витюк. М., 1989.
- Ядов В.А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций. СПб., 2006.
- Социология экономической жизни. Новосибирск, 1991.

Избранные труды профессора В.Я. Ельмеева

Монографии

1. Наука и производительные силы общества. М.: Соцэкгиз, 1959. 112 с.
2. Возрастание роли науки в строительстве коммунизма. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1962. 103 с. (Совавт. *Корнеев М.Я.*)
3. Коммунизм и развитие человека как производительной силы общества. М.: Мысль, 1964. 317 с.
4. Коммунизм и преодоление разделения между умственным и физическим трудом. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1965. 144 с. (Совавт. *Полозов В.Р., Ряценок Б.Р.*)
5. Комплексное планирование экономического и социального развития района. Л.: Лениздат, 1972. 126 с. (Совавт. *Ряценок Б.Р., Юдин Е.П.*)
6. Проблемы социального планирования. Л.: Лениздат, 1973. 151 с.
7. Методологические основы планирования социального развития. М.: Мысль, 1974. 167 с.
8. Основы экономики науки. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1977. 144 с.
9. Воспроизводство общества и человека. М.: Мысль, 1988. 235 с.
10. Выбор нового курса. М.: Мысль, 1991. 201 с. (Совавт. *Долгов В.Г., Попов М.В.*)
11. Прикладная социология: Очерки методологии. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1994. 200 с. (Совавт. *Овсянников В.Г.*)
12. Социологический метод: Теория, онтология, логика. СПб.: Петрополис, 1995. 144 с.
13. Трудовая теория потребительной стоимости – новая парадигма экономической науки. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1996. 134 с.
14. Уроки и перспективы социализма в России. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1997. 126 с. (Совавт. *Долгов В.Г., Попов М.В.*)
15. Прикладная социология. Очерки методологии. 2-е изд. исправ. и допол. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. 200 с. (Совавт. *Овсянников В.Г.*)

16. К новой парадигме социально-экономического развития и познания общества. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. 140 с.
17. Теория и практика социального развития. Избранные научные труды. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2004. 400 с.
18. Социальная экономика труда: общие основы политической экономии. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2007. 576 с.

Коллективные монографии

19. *Белых А.К., Дроздов А.В., Корнеев М.Я. и др.* Базис и надстройка социалистического общества / Отв. ред. В.П. Рожин. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1961. 170 с.
20. *Котелкин В.И., Кузьмин Е.С., Волков И.П. и др.* Методические рекомендации по разработке перспективного плана социального развития коллектива предприятия / Под ред. В.Я. Ельмеева, Б.Р. Рященко, Ю.В. Грибовского. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1968. 196 с.
21. *Константинов Ф.В., Семенов В.С., Чесноков Д.И. и др.* Социология и идеология. М.: Наука, 1968. 467 с.
22. *Котелкин В.И., Чуев И.А., Орехов В.В. и др.* Планирование социальных процессов на предприятии / Под ред. В.Я. Ельмеева, Б.Р. Рященко. Л.: Лениздат, 1969. 239 с.
23. *Воротилов В.А., Ельмеев В.Я., Межевич М.Н. и др.* Методические рекомендации по комплексному планированию социально-экономического развития городского административного района. Л.: Наука, 1971. 186 с.
24. Коммунизм и управление общественными процессами. Т. 1 / Под ред. А.К. Белых. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1972. 272 с.
25. *Мишин В.И., Ракаускас Ю.И., Кряжев П.Г. и др.* Коммунизм и социальный прогресс / Под ред. В.Я. Ельмеева, А.П. Казакова. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1973. 326 с.
26. Социализм: Диалектика развития производительных сил и производственных отношений / Под ред. В.Г. Марахова. М.: Мысль, 1975. 334 с.
27. *Казаков А.П., Белых А.К., Ельмеев В.Я. и др.* Развитое социалистическое общество и социальный прогресс. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1975. 175 с.
28. *Рященко Б.Р., Валдайцев С.В., Ельмеев В.Я. и др.* Наука в системе экономических категорий / Под ред. В.Я. Ельмеева. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1977. 126 с.
29. *Сошнев А.Н., Мосалев В.Е., Доймихен К. и др.* Экономические основы организации, управления и планирования в сфере исследований и разработок / Отв. ред. В.Я. Ельмеев, С.В. Валдайцев и др. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. 144 с.
30. *Черкасов Г.Н., Буярова Я., Паишков А.С. и др.* Социальные проблемы управления трудовыми коллективами. М.: Профиздат, 1978. 208 с. То же. Прага, 1979 (на чеш. яз.); Братислава, 1979 (на словац. яз.).
31. *Нысанбаев А.Н., Рузавин Г.И., Мочерный С.Б. и др.* Материалистическая диалектика как методология / Отв. ред. Ж.М. Абдильдин. Алма-Ата: Наука, 1981. 356 с.
32. *Гросскопф Э., Мосалев В.Е., Мазуренко Ю.И., Замула А.И. и др.* Экономика производственных исследований / Под ред. В.Я. Ельмеева. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1982. 224 с.
33. *Гюнтер В., Козут А.Е., Иванов Н. и др.* Эффективность НТП: Измерение и планирование на предприятии / Под ред. А.А. Румянцева. Л.: Наука, 1985. 216 с.
34. *Зворыкин А.А., Виленский М.А., Иванов О.И. и др.* Социальные и экономические проблемы эффективности науки. М.: Наука, 1985. 116 с.
35. *Минина В.Н., Рязанов В.Т., Иванова В.Н. и др.* Долгосрочное социально-экономическое планирование / Под ред. Н.А. Моисеенко, Б.Р. Рященко. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. 167 с.
36. *Валдайцев С.В., Румянцев А.А., Родионенков П.А. и др.* Экономический механизм соединения науки с производством / Под ред. В.Я. Ельмеева. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1987. 278 с.
37. *Ельмеев В.Я., Овсянников В.Г., Ожерельев О.Н. и др.* Фундаментальные и прикладные социальные исследования: Методологические проблемы взаимодействия. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1988. 120 с.
38. *Алиев В.Г., Сергеев А.А., Бобков В.Н. и др.* Альтернатива: Выбор пути. М.: Мысль, 1990. 461 с.
39. *Губанов С.С., Корняков В.И., Алиев В.Г. и др.* Система экономического обеспечения качес-

тва продукции: Трудовая теория потребительной стоимости. Ч. 1. Кн. 1 / Под ред. В.И. Сиськова. М.: Изд-во стандартов, 1992. 317 с.

40. *Овсянников В.Г., Тихомиров Б.И., Филиппов А.В.* Социология практики: Методологические проблемы / Под ред. В.Я. Ельмеева. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994. 159 с.

41. Экономическая теория на пороге XXI века (мат-лы дискуссии) / Под ред. Ю.М. Осипова, В.Т. Пуляева. СПб.: Изд-во «Петрополис», 1996. 416 с.

42. *Воротиллов В.А., Ельмеев В.Я., И.И. Сигов и др.* Великий октябрь: прошлое, настоящее, будущее. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1997. 328 с.

43. Экономическая теория на пороге XXI века / Под ред. Ю.М. Осипова, В.Т. Пуляева, В.Г. Рязанова и др. М.: Изд-во «Юристъ», 1996. Т. 2. 768 с.

44. Местное самоуправление: технологии социально-экономического роста / Под ред. А.Г. Воронина и В.Н. Иванова. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1998. 470 с.

45. *Воротиллов В.А., Дрожжин В.А., Ельмеев В.Я. и др.* Россия в XXI веке. Конституционное устройство обновленной страны. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та. 2000. 464 с.

46. *Долгов В.Г., Ельмеев В.Я., Попов М.В., Тарандо Е.Е. и др.* Будущее за обществом труда / Под ред. Ельмеева В.Я. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та. 2003. 272 с.

47. *Вечканов Г.В., Ковалев С.Г., Медведев Н.А. и др.* Актуальные проблемы экономической теории и практики / Под ред. Л.М. Чистова. СПб.: Изд-во «Астерион», 2003. 322 с.

48. *Бэлла Э., Волович В.Н., Ельмеев В.Я. и др.* От закона стоимости к закону потребительной стоимости. СПб.: Изд-во Фонда Рабочей Академии и ООО Творческий центр «Победа», 2003. 176 с.

49. Ленинская теория империализма и современная глобализация / Под ред. А.И. Субетто. Книга 1. СПб.: Изд-во «Астерион», 2003. 260 с.

50. *Ельмеев В.Я., Горюнов В.П., Мишин В.И. и др.* Социология развития: современные теории и проблемы / Под ред. А.О. Бороноева, В.Я. Ельмеева. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2004. 380 с.

51. *Воронцов А.В., Волович В.Н., Ельмеев В.Я. и др.* Характер и тенденции развития современного российского общества. СПб.: Изд-во СПб общественного «Фонда культуры и образования», 2004. 265 с.

52. *Вечканов Г.В., Ковалев С.Г., Чистов Л.М. и др.* Актуальные проблемы экономической теории и практики. Ч. 2 / Под ред. Л.М. Чистова. СПб.: Изд-во «Астерион», 2004. 420 с.

54. Социогенетические основания трансформации общества / Под ред. А.И. Субетто. Кострома: Изд-во Костромского гос. ун-та, 2004. 464 с.

55. *Вечканов Г.В., Ковалев С.Г., Медведев Н.А. и др.* Актуальные проблемы экономической теории и практики. Ч. 3 / Под ред. Л.М. Чистова. СПб.: Изд-во «Астерион», 2006. 312 с.

56. *Азгальдов Г.Г., Бобков В.Н., Ельмеев В.Я. и др.* Квалиметрия жизни. Ижевск: Изд-во ин-та экономики и управления УдГУ, 2006. 820 с.

Учебники и учебные пособия

57. Закон отрицания отрицания. Уч. пособие. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1956. 29 с. (Соавт. *Казаков А.П.*)

58. Социология собственности. Уч. пособие. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2000. 88 с. (Соавт. *Тарандо Е.Е.*)

59. Социология. Учебник для юрид. вузов / Под ред. В.П. Сальникова, Г.Д. Ковалева, С.В. Степашина. СПб.: Изд-во Лань, 2000. 416 с.

60. Социология. Курс лекций / Отв. ред. Ю.А. Ургалкин, С.И. Бондарев, Л.Г. Лебедева. Самара, 2000. 212 с.

Всего В.Я. Ельмеев опубликовал свыше 350 работ.